

ТРАЕКТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XIX–XXI вв.

УДК 821.161.1-31(Толстой Л. Н.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-02-12.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,44. ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 10.01.01

УСАДЬБЫ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»: ОТ ОБЛИЧЕНИЯ РОСКОШИ К ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

Андреева В. Г.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия)
Костромской государственный университет (Кострома, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

А н н о т а ц и я . Автор статьи фактически впервые в литературоведении обращается к образу усадьбы в позднем художественном творчестве Толстого, показывая динамику взглядов писателя на усадьбную жизнь, образ идеальной усадьбы, который для Толстого всегда был связан с мотивами труда, семейной жизни, правильного отношения к народу и др. Отмечается, что в 1880–1910 гг. усадьбная тема напрямую соотносится в представлении Толстого с проблемами земельной собственности, правильного хозяйствования, а также верного и поэтапного пути личности и ее духовного роста.

В романе Л. Н. Толстого «Воскресение» образ усадьбной жизни реализуется в двух контрастных вариантах: роскошного существования высшего света и аристократии, не поддерживаемой никаким содержанием, и трансформирующейся к новому облику трудовой жизни интеллигенции и помещиков на земле. Демонстрируются присутствующие в художественном мире романа факты оскудения усадьбной жизни рубежа XIX – XX вв. Доказывается, что ключевая в произведении идея неразрывной связи человека с окружающими его людьми, с народом напрямую связана с осмыслением Толстым изменения форм усадьбной жизни, важной и дорогой для самого писателя. Большое значение в романе обретает осознание героями естественной жизни, которая представлена по контрасту с цивилизацией, отступающей от основных законов любви и добра. На основании аналитического сопоставления черновиков романа и итогового текста обосновывается значимость усадьбной темы для понимания чувств главного героя и его внутренней работы, для организации эпического художественного мира романа. Иллюстрируются этапы диалектического движения Дмитрия Нехлюдова, связь усадьбной и семейной тем. В статье переосмыслиется ряд эпизодов романа, получивших в науке спорные толкования, выявляются художественные скрепы, соединяющие различные главы произведения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Л. Н. Толстой; дворянство; народ; усадьба; земельный вопрос; динамика героя; цивилизация; семейная тема; эпический масштаб.

ESTATES IN LEO TOLSTOY'S NOVEL "RESURRECTION": FROM DENOUNCING LUXURY TO LIFE ON LAND

Valeria G. Andreeva

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Kostroma State University (Kostroma, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. For the first time in literary criticism, the author of the article turns her attention to the image of the estate in Tolstoy's later artistic work, showing the dynamics of the writer's views on estate life, the image of an ideal estate, which for Tolstoy was always associated with the motives of work, family life, proper attitude towards the people, etc. It is noted that in 1880–1910, the estate theme in Tolstoy's creative imagination was directly related to the problems of land ownership, proper management and correct and gradual path of the individual and their spiritual growth.

The picture of estate life in Leo Tolstoy's novel "Resurrection" is realized in two contrasting versions: luxurious existence of the upper class and the aristocracy, not supported by any content, and transforming into a new image of the working life of the intelligentsia and landowners on the land. The author demonstrates the facts of impoverishment of estate life at the turn of the 19th–20th centuries, which are introduced in the artistic world of the novel. It is proved that the idea in the work of inseparable connection of a person with the people around him and with humanity at large, which is the key conception of the novel, is directly related to Tolstoy's understanding of the change of the forms of estate life, important and dear for the writer himself. Of great importance in the novel is the awareness of the characters of natural life, which is presented in contrast to civilization, which deviates from the basic laws of love and goodness. On the basis of an analytical comparison of the drafts of the novel and the final text, the author substantiates the importance of the estate theme for understanding the feelings of the protagonist and his inner life, for organizing the epic artistic world of the novel. The article illustrates the stages of the dialectical movement of Dmitry Nekhlyudov and the connection between the estate and family themes. The author rethinks some episodes of the novel that have received controversial interpretations in science and reveals the artistic links that connect different chapters of the work.

Key words: Leo Tolstoy; nobility; people; estate; land issue; hero dynamics; civilization; family theme; epic scale.

Для цитирования: Андреева, В. Г. Усадьбы в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле / В. Г. Андреева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 144–154. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-12.

For citation: Andreeva, V. G. (2021). Estates in Leo Tolstoy's Novel "Resurrection": from Denouncing Luxury to Life on Land. *In Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 144–154. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-12.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102.

Acknowledgments: research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within scientific project No. 20-012-00102.

Усадебная тема, проблема правильного хозяйства в творчестве Л. Н. Толстого является одной из основных, поскольку именно к форме лучшего усадебного устройства всю жизнь стремился сам писатель, начиная со времени ухода из университета и определения плана собственного развития и будущего хозяйствования и до первого десятилетия XX в. – после произошедшего с ним мировоззренческого перелома Толстой не раз задумывался о наиболее правильном изменении форм жизни на земле.

Однако при всей значимости указанной темы в литературоведении до сих пор отношение Толстого к усадебной жизни остается недостаточно освещенным: в особенности это касается позднего периода творчества писателя. Конечно, толстоведы не могут пройти мимо осмысления места Ясной Поляны в судьбе писателя, а вместе с тем и образа жела-

емой лучшей жизни дворянина, русского интеллигента. Усадебной теме в творчестве Толстого 1850–1870-х гг. посвящены интересные работы Е. В. Подарцева [Подарцев 2008, 2010]. Одной из задач исследователя стало стремление «проследить эволюцию в описании усадеб в произведениях Толстого, начиная с раннего творчества („Детство“, „Утро помещика“, „Семейное счастье“) и заканчивая более поздними произведениями („Война и мир“, „Анна Каренина“). Однако на фоне существования множества мемуарных источников и рассказов близких людей Толстого о его реальном бытии, образ усадебной жизни в художественном творчестве писателя 1880–1910 гг. фактически не изучен.

Долгое время внимание ученых было приковано к рассмотрению идей позднего Толстого, его протестных настроений, позиции проповедника, нашедшей отражение не толь-

ко в публицистике Толстого, но и в его поздних художественных произведениях. Однако для последних были характерны удивительные прозрения писателя, модели жизни и поведения, реализованные в образах и при этом лишенные толстовских противоречий и крайностей.

Примеры усадебной жизни в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» (1899) имеют большое значение в целой системе противопоставлений: прошлое и настоящее героя, естественная и искусственная жизнь, природный мир и условности света. Они включены в сложную систему размышлений Толстого о формах нового бытия. С одной стороны, читатель чувствует, что дорогое самому писателю усадебное прошлое притягательно, что Толстой тесно связан с помещичьей жизнью; с другой стороны, старому быту более не находится места, своего героя Дмитрия Нехлюдова Толстой выводит в большой мир, подводя к отказу от светской роскоши. Выход к широте эпического романа предполагал идею открытости, отсутствия обособленности, характерной для прежних форм помещичьего существования. Именно поэтому переосмысление образа жизни героя и его отказ от эгоизма тесно связаны с жанровой природой романа: осознавая себя подчиненным воле Хозяина, Нехлюдов перестает на первое место ставить свой интерес, с которым у него долгое время были связаны ощущения прежнего барского времяпрепровождения.

Одна из ключевых идей романа – идея неразрывной связи человека с окружающими людьми, с народом – у Толстого напрямую связана с трансформацией форм прежней жизни помещиков. Л. Н. Летагин отметил, что во второй половине XIX в. в предметном обращении к «усадебному тексту» происходит закономерное смещение ценностных акцентов: «Ключевой элегической темой выступают отблески „идиллического прошлого“, его „отражения“, „отголоски“, „покой запустения“, а вместе и наряду с этим – образная стилизация реального оскудения. Именно в том, что дворянская усадьба перестает восприниматься фактом актуального настоящего, кроется причина ностальгического к ней интереса, именно потому она становится символическим воплощением всего безвозвратного прошлого»

[Летагин 2020: 29]. Но в романе Толстого все неоднозначно. Воскресающий на глазах читателя Дмитрий Нехлюдов порывает со своим кругом, даже с семьей сестры Наташи, отдает землю крестьянам. Несмотря на тот факт, что Нехлюдов становится «путешественником», *не имеющим дома*, но ощущающим неразрывную связь со всем народом, образ последнего в его сознании неизменно связан с усадебным прошлым, которое должно воскреснуть в новых формах.

В хронологической последовательности в романе все начинается в усадьбе (тетушек Нехлюдова), а в завершении произведения мы видим еще одну городскую усадьбу сибирского генерала, контрастирующую с тюрьмами и напоминаящую главному герою о забытых семейных ценностях. Читатель видит Нехлюдова переживающим процесс нравственного преображения, однако в фазе изменений герой не может быть долго. Толстой оставляет Нехлюдова на пороге строительства будущего, но наделяет его простыми человеческими желаниями: «Я жить хочу, хочу семью, детей, хочу человеческой жизни», – мелькнуло у него в голове [Толстой 1928–1958, т. 32: 431].

Некоторые исследователи творчества Толстого считают, что эта фраза показывает слабость Нехлюдова, его уклонение от правильного пути духовного роста, на который он встал. Однако это не так: у Толстого движение к миру невозможно без личного счастья, без осознания полноты и целостности своей жизни. Б. И. Берман справедливо называет стремление к счастью непосредственным мотивом творчества Толстого, «движущим принципом космоса Толстого»: «Это главное побуждение героев Толстого. Это стержень толстовского мира, вокруг которого все выстраивается, это его загадка, для разрешения которой он и творится» [Берман 1992: 38].

Лучшие образцы семейной жизни и жизни у земли в представлении Толстого были прочно связаны именно с личным хозяйством. Эта ситуация не изменяется и в «Воскресении», несмотря на пореформенные трансформации и тот факт, что земельная собственность отрицается и самим автором, и его героем. Уместно здесь вспомнить одно из ранних писем Толстого к Валерии Арсе-

ньювой, которую молодой писатель пытался воспитывать и наставлять. В послании к Валерии от 23–24 ноября 1856 г. Толстой подчеркивает необходимость уединения. Описывая семью Храповицких (желаемый им образец семьи), писатель отмечает важность избирательного общения: «Деревня должна быть уединением и занятием, про которые я писал в предпоследнем письме, и больше ничего, но такой деревни Вы не выдержите, а тульские знакомства порождают провинциализм, который ужасно опасен. <...> Нет-с, матушка, Храповицкие или никого не будут видеть, или лучшее общество во всей России, т. е. лучшее общество не в смысле царской милости и богатства, а в смысле ума и образования» [Толстой 1928–1958, т. 60: 122–123]. Хотя здесь еще толстовский идеал семейной жизни предполагает уединенное существование с избирательным общением.

В «Воскресении» усадебная тема напрямую связана не только с переоценкой ценностей главного героя, но и с выбором Нехлюдовым спутницы жизни, с мотивом труда. В ранних черновых материалах к роману Толстой продумывал финал, согласно которому Нехлюдов и Катюша соединили свои судьбы, сначала жили в России, пытаясь работать, а потом, после начавшихся преследований Нехлюдова, писавшего о земельной собственности, уезжали в Лондон. И герой заранее пытался просчитать, на какие средства они будут существовать: «И это затруднение разрешилось тут же. В имении был дом и картофельный завод. Он не знал, что делать и с тем и с другим. И тут появился покупатель на завод и дом, и то и другое на своз, за который ему заплатил 12 тысяч» [Толстой 1928–1958, т. 33: 88]. Как в указанном отрывке, так и в итоговом тексте романа читатель констатирует процесс оскудения усадебной жизни, но в окончательном произведении он показан на фоне общего тяжелого положения народа и роскоши небольшого количества людей, пользующихся всеми возможными благами.

Комментаторы романа уже не раз отмечали, что начало первых редакций произведения казалось писателю неудачным: выигрышным оно стало, когда Толстой начал действие не с изображения утра Нехлюдова, а с городского пейзажа и описания Катюши

Масловой [Гудзий]. Толстой в самых первых черновых набросках уделял большее внимание образам тетушек и их имению, где герой познакомился с Катюшей: Марья Ивановна и Катерина Ивановна Юшкины «старые богатые девицы, жившие в своем имении под губернским городом» [Толстой 1928–1958, т. 33: 3]. Писатель отмечал в черновиках как крепостнический характер тетушек Нехлюдова, так и склонности молодого человека к легкой и красивой жизни: «Он 4 года тому назад кончил курс в университете и с тех пор, в особенности по смерти отца, когда он получил в руки имение, жил, наслаждаясь прелестями жизни богатого, независимого человека высшего круга» [Толстой 1928–1958, т. 33: 3]. Однако Толстой сразу делает своего героя искренним и не склонным к расчету: в черновиках тетушки оставляют племяннику имение, так как дела его расстроены, но молодой человек и не думает об этом наследстве.

Все эти незначительные факты касались только первой незаконченной редакции романа – самых ранних набросков. В итоговом тексте события, происходящие в имениях героя, тщательно продуманы. Толстой проводит Дмитрия Нехлюдова вновь своим излюбленным путем тезиса, антитезиса и синтеза. Герой в юности отдает небольшое имение отца крестьянам, так как он считает предосудительным владение землей. Но Толстой не просто показывает дальнейшее изменение героя, принимающего сторону светского общества, он констатирует, что этот путь был неизбежен не только в силу влияния среды, но и в силу неосознанности Нехлюдовым своего пути.

Усадебная жизнь в произведении оценивается очень неоднозначно: в художественном мире эпического романа, где речь идет о выживании голодающего народа, поэтизация сельских или городских усадеб была бы, конечно, неуместна. На протяжении всего романа реализуется мысль Толстого об удалении человека от естественной жизни. Как понимает читатель, именно усадебный быт мог дать благотворные примеры возвращения к правильному и гармоничному существованию на земле: не случайно образ земли становится одним из ключевых в романе [Андреева 2020].

Значимой в «Воскресении» является сцена, в которой Нехлюдов фактически впервые

после долгого пребывания в городе приезжает в свои имения. Поездка эта связана с желанием героя освободиться от земельной собственности, которая начинает тяготить возрождающегося к правильной жизни Нехлюдова. Причем Толстой не показывает этого, но внимательный читатель понимает, что по пути в свои имения Нехлюдов думает не о крестьянах, а только о том, что владеть землей нехорошо и неправильно. Но по приезде в имения, особенно в меньшее, Паново, герой осознает всю тяжесть бедственного положения народа. Писатель мастерски выстраивает противопоставление между сытым Нехлюдовым, отвечающим на вопрос приказчика: «Я не голоден» [Толстой 1928–1958, т. 32: 208] и всем крестьянством, перебивающимся скудной пищей: «Кушать? – смеясь, сказал старик. – Кушанье наше не хитрое. Покажь ему, старуха» [Толстой 1928–1958, т. 32: 211] или вовсе голодающим: «Как живу? Побираюсь, – сказала Анисья и заплакала» [Толстой 1928–1958, т. 32: 216].

Толстой описывает ситуацию, в которой проблема может быть решена только изменением отношения даже не к собственности, как об этом первоначально думает Нехлюдов, а к окружающим людям. Усадьбная жизнь, по Толстому, умирает именно потому, что на место возможных *рачительных хозяев* приходят *равнодушные управляющие*. Так, извозчик рассказывает Нехлюдову об управляющем в его имении, «шикарном немце»: «Награбил денег – страсть! Чего ему: вся его власть. Сказывают, хорошее имение купил» [Толстой 1928–1958, т. 32: 200]. А также потому, что у народа нет возможности жить на родной земле, которая отдается купцам и продается иностранцам. «У нас француз владеет, у прежнего барина купил. Не сдает – да и шабаш» [Толстой 1928–1958, т. 32: 240], – заявляет Нехлюдову извозчик.

Забывший о крестьянах, живущих на его земле и обрабатывающих эту землю, Нехлюдов даже в свои приезды в имения не поймет ошибки – он осознает ее позднее, на пути в Сибирь, в вагоне третьего класса: «Сделалось все это оттого, что все эти люди – губернаторы, смотрители, околоточные, городовые – считают, что есть на свете такие положения, в которых человеческое отношение с человеком

не обязательно» (курсив мой – В. А.) [Толстой 1928–1958, т. 32: 349–350].

Пробуждение Нехлюдова совершилось, но его преобразование не может произойти в один момент, и причиной этого являются как раз те формы жизни, которые закономерно его удерживают. Герой не только вынужден будет осознать свою ошибку и неправильное отношение к людям (хотя об этом он прямо не говорит именно потому, что пытается исправиться), но и постараться изменить жизнь в бытовом плане. В финале романа Толстой не случайно говорит о «новых условиях жизни Нехлюдова»: по сравнению с духовным прозрением они не так важны, но без этих изменений дальнейшее движение героя не было бы возможным.

«В русском романе XIX века проблема поиска положительного героя-помещика в первую очередь была обусловлена вопросом о взаимоотношениях его с крестьянством. ...Эффективное управление имением, практическая реализация на своей земле конкретных нововведений, облегчение участи крестьянства определяли представления русских писателей о долге помещика и дворянина», – отмечает А. Ю. Саркисова [Саркисова 2017: 138]. У Нехлюдова на протяжении долгого времени на первое место выдвигаются не люди и не дело, а собственная персона. В черновиках к роману есть несколько интересных рассуждений героя по поводу передачи земли крестьянам. Вот, к примеру, Нехлюдов задумывается о средствах, которые ему могут потребоваться в случае женитьбы: «Отдать Рязанскую землю мужикам, надо отдать и Нижегородскую и Самарскую и остаться ни с чем. Все это хорошо было тогда, прежде, когда я был один, довольствовался малым и мог зарабатывать, что мне нужно, но теперь другое дело: не могу я отдать свои имения и, женившись, пользоваться ее состоянием» [Толстой 1928–1958, т. 33: 29].

Приезжающий в свои имения герой, решающий пожертвовать частью дохода и облегчить участь крестьян, ожидает, что его встретят как благодетеля, однако мужики воспринимают предложения барина настоятельно, да и несколько иронично; почти в форме торга представляет писатель диалог Нехлюдова и крестьян:

«Так как же насчет земли? Желаете ли вы? И какую цену назначите, если отдать всю землю?»

Товар ваш, вы цену назначьте» [Толстой 1928–1958, т. 32: 199].

Не раз в разговоре делается акцент на владении Нехлюдовым землей. Читатель романа прекрасно понимает, что *один* Нехлюдов не сможет решить ни земельного вопроса, ни проблемы непреодолимой пропасти между баринством и мужиками, возникшей в силу искажения истинной усадебной жизни, при которой помещик является настоящим хозяином, вникающим во все дела и максимально поддерживающим работающих на него людей.

В поздний период творчества Толстой считал земельный вопрос одним из основных. Писатель активно распространял учение Генри Джорджа (американский политэконом полагал, что причины обнищания народа заключаются в увеличении земельной ренты). Земельному вопросу уделено огромное внимание и в публицистике Толстого 1900-х гг. Проблема нехватки земли у народа рассматривается Толстым в статье «Где выход?» (1900): «А земли у работающего крестьянина или вовсе нет, или мало, так мало, что она не прокормит его с семьей. Так что либо умирай с голода, либо бери землю, которая тут же под дворами...» [Толстой 1928–1958, т. 34: 208]. А в статье «Великий грех» (1905) Толстой демонстрирует эпический масштаб бедствия народа, связанный именно с недостатком земли [Толстой 1928–1958, т. 36: 206–210]. Этот же эпический масштаб видим мы в романе «Воскресение», и усадебный текст оказывается структурно и содержательно связанным с жанровой широтой произведения. Множество сцен романа, посвященных усадебному быту, подчинены продвижению идеи осознания окружающего мира даже не собственностью всего человечества, а общим домом с садом и прочими угодами и постройками, где есть работники и руководящий всем Хозяин.

Нехлюдов видит в людях из народа немало пороков, но в тех случаях, когда это не страшные преступления, а человеческие слабости, писатель неизменно ставит рядом мотив сложной, а порою и невыносимой трудовой жизни. Как и в ситуации с оценкой аристо-

кратии, на первый взгляд, несколько предвзято представленной на основании намеренно отобранных примеров, а на самом деле, оцениваемой с позиции объективной, Толстой и в оценке крестьянства старается быть максимально правдивым. На определенном этапе Нехлюдов оказывается на своей родной русской земле *путешественником*: «И он испытал чувство радости путешественника, открывшего новый, неизвестный и прекрасный мир» [Толстой 1928–1958, т. 32: 361]. Это сравнение, повторяемое в романе несколько раз, не случайно: Нехлюдов смотрит на все глазами *непредвзято оценивающего человека*.

В художественном мире романа черты усадебного топоса важны для понимания чувств героя и его внутренней работы. В первом и большом имении Кузьминское Нехлюдову суждено пережить «искушение властью и собственностью» перед решительной передачей земли мужикам в найм: «Ему вдруг жалко стало и дома, который развалится, и сада, который запустится, и лесов, которые вырубятся, и всех тех скотных дворов, конюшен, инструментных сараев, машин, лошадей, коров...» [Толстой 1928–1958, т. 32: 202]. Обратим внимание, что указанная сцена с описанием жалости Нехлюдова по отношению к своему имуществу была в черновиках к роману, причем Нехлюдов достаточно быстро менял свою позицию: «Прежде ему бы было обидно думать, что мужику Беляеву достанутся эти кресла красного дерева с золочеными лирами и такие же стол и шифоньерка с брюхом и с бронзовыми львиными головами, держащими кольца; теперь все это отошло куда-то далеко-далеко назад, впереди было открытое, радостное, полное несомненного дела будущее...» [Толстой 1928–1958, т. 33: 89]. Однако писатель чутко уловил, что для прозрения Нехлюдову нужно было выйти за границы комфортной жизни не только мысленно, но и физически, созерцая страшное народное бедствие.

Ю. В. Лебедев считает, что этот эпизод с колебаниями Нехлюдова по поводу земли можно считать художественно правдивым по отношению к самому герою, но идущим вразрез с замыслом писателя: «Толстому хочется доказать, что в душе Нехлюдова, ощутившего в своей душе Бога, свершилось торжество

духовных начал. Его усовершенствование не нуждается в благодатной поддержке и движется к оптимистическому финалу. Однако художественная реальность требует от автора жизненной правды. И Толстой изменить этой правде не может» [Лебедев 2020: 49]. По нашему мнению, этот эпизод с сомнениями, наоборот, раскрывает поэтапное преобразование героя, который не может слишком быстро избавиться от светских мнений, привычек и оценок. Толстой в данном случае остается верен и самому себе, и пониманию природы человека. Писатель показывает, что для прозрения Нехлюдов должен пережить все прежние впечатления, связанные со временем его пребывания в усадьбе Паново. Вопреки многим крайностям Толстого-публициста, Толстой-писатель в данном случае прав: вставшему на путь преобразования Нехлюдову еще очень многое нужно понять и почувствовать.

Разницу между идеями и надеждами героя и его реальными возможностями хорошо показывает сцена с насекомыми. Писатель перемежает высокие размышления Нехлюдова и его наблюдения за окружающим, открывающие почти натуралистические подробности быта:

«Нехлюдов вернулся в горницу, разделся и лег в постель не без опасения о клопах, присутствие которых заставляли подозревать оторванные грязные бумажки стен.

„Да, чувствовать себя не хозяином, а slugой,“ – думал он и радовался этой мысли.

Опасения его оправдались. Только что он потушил свечу, его, облипая, стали кусать насекомые.

„Отдать землю, ехать в Сибирь, – блохи, клопы, нечистота... Ну, что ж, коли надо нести это – понесу.“ Но, несмотря на все желание, он не мог вынести этого и сел у открытого окна...» [Толстой 1928–1958, т. 32: 226].

Обратим внимание на тот факт, что наступающее прозрение связано у Нехлюдова с ощущением счастья, которое, в свою очередь, возрождает в памяти героя лучшие мгновения искренней и чистой любви: «Это была для него радостная, счастливая ночь. Воображение возобновило перед ним впечатления того счастливого лета, которое он провел здесь невинным юношей...» [Толстой 1928–1958, т. 32: 225]. В этом эпизоде Толстой фактически не

упоминает о Катюше, потому что герой психологически отталкивается от воспоминаний, причиняющих ему боль: «Нехлюдов вышел во двор и хотел идти в сад, но вспомнил ту ночь, окно в девичьей, заднее крыльцо – и ему неприятно было ходить по местам, оскверненным преступными воспоминаниями» [Толстой 1928–1958, т. 32: 228]. Но для читателя прочно соединяются воедино образ счастья, сад, усадебная тема и, конечно, образ женщины – связь указанных компонентов у Толстого подробно рассматривает К. А. Нагина. Исследовательница отмечает: «Этапы воскресения Нехлюдова осеяны садом. Чувство стыда и „отвращения к самому себе“, осознание роковых последствий поступка с Катюшей приводят персонажа к „чистке души“. И как знак истинности того пути, по которому он теперь собирается идти, ему вновь открывается сад, открывается таким, каким он видел его в ранней юности» [Нагина 2011: 14]. Напомним, что сцена с пребыванием героя в саду повторяется дважды, причем сад, в отличие от всех построек в Паново, не оскудевает, а разрастается: «Крыльца – оба, переднее и особенно памятное ему заднее, – сгнили и были разломаны, оставались только перемены; окна некоторые вместо стекла были заделаны тесом, ...все было ветхо и серо. Только сад не только не обветшал, но разросся, сросся и теперь был весь в цвету...» [Толстой 1928–1958, т. 32: 218].

В Паново «картина разрушения помещичьего гнезда прерывается видом ликующей природы и здорового, ушедшего корнями в землю труда крестьян вблизи развалившегося барского дома» [Жданов 1960: 348]. Толстой в «Воскресении» не идеализирует крестьянского труда, писатель показывает острую необходимость пересмотра всех прежних форм бытия. Нехлюдов отказывается от жизни в имени именно потому, что этого требуют новые условия и путь к эпической широте народного мира. Образ возрождающейся земли, представленный в XI главе второй части романа, открывает Нехлюдову настоящий смысл естественной жизни [Андреева 2020: 223].

Уместно в данном случае обратить внимание на эпизод, присутствующий в черновиках и раскрывающий судьбу Нехлюдова и Катюши. По одной из предполагаемых писателем развязок романа, Нехлюдов женил-

ся на Масловой, потом в качестве арестанта следовал за Катюшей, а в Троицкосавске он с женой оставался в предместье города: «...огородом и садом он мог заниматься мало и передал это дело работнику и жене. Катюша со времени поселения своего, кроме домашнего хозяйства, много читала и училась и, поняв дело своего мужа, помогала ему и гордилась им. ...Он должен был добывать себе средства жизни, что он и делал, садом и огородом и статьями в русских и заграничных изданиях» [Толстой 1928–1958, т. 33: 93]. В описании Толстой не раз упоминает сад и огород, причем в эпизоде явно заметны противоречия: сначала писатель констатирует, что устройство сада и огорода не удалось Нехлюдову в той мере, как он это планировал, далее описывает сад и огород как источники пропитания и заработка семьи. Толстой прекрасно чувствовал происходящие в обществе процессы, но в романе и черновиках к нему несколько подравнивал действительно начинавшиеся перемены под собственное видение: идеалом писателя продолжала оставаться жизнь на земле.

В финале итогового текста Толстой показывает своего героя на пороге новой жизни, причем в одиночестве, без любимой женщины. Образ сада в финале переходит в духовно-нравственный, неосязаемый план, приобретает вселенский масштаб: «Виноградари вообразили себе, что сад, в который они были посланы для работы на хозяина, был их собственностью...» [Толстой 1928–1958, т. 32: 444]. Писатель не конкретизирует формы дальнейшей жизни Нехлюдова, но намечает, что еще потребуются найти герою для осуществления его мечты о счастье.

К. А. Нагина очень интересно комментирует сон Нехлюдова, особенно факт превращения немца-управляющего в Маслову: «Превращение немца-управляющего в Катюшу Маслову демонстрирует потребность Нехлюдова в целостном образе мироздания; он прозревает смысл бытия: каждое отдельное существо – это лишь часть целого, и прежде чем открыть собственное „я“, нужно постичь свою тождественность с другими» [Нагина 2011: 15]. Действительно, в этом превращении можно найти и центральную для всего романа идею соотношения всех людей, однако перевоплощение это стоит понимать и более прямо:

время управляющего в имении Нехлюдова, да и вообще управляющих уходит – на место жизни помещичьего типа должно прийти, по мнению Толстого, хозяйство одной семьи (вспомним яснополянские проекты Толстого, его труд с мужиками и привлечение собственных детей к физической работе).

В художественном мире «Воскресения» важно, что главный герой нигде не служит, а его роскошная жизнь в начале романа поддерживается доходами с имений. Н. В. Фролова отмечает, что «русское поместное дворянство, будучи разобщенным по местам расселения», «в большинстве своем всячески стремилось к активной общественной деятельности, считая ее почетным долгом дворянина» [Фролова 2017: 133]. Но Нехлюдов лишь со стороны узнает новости о земской деятельности, не принимая в ней никакого участия. В этой полной пассивности он, с одной стороны, уподобляется Толстым светскому миру (в начале романа), с другой стороны, отчасти выражает и позицию неделания – неприятия существовавшего порядка вещей.

Кроме указанной линии трансформации усадебной жизни в романе «Воскресение» очень сильна линия отрицания роскоши усадебного быта чиновников и дворян, проживающих в Москве и Петербурге. Только после поездки в свои имения Нехлюдов видит город в новом свете, извращающем человеческую природу обманом: «Одни из этих людей сумели воспользоваться городскими условиями и стали такие же, как и господа, и радовались своему положению, другие же стали в городе в еще худшие условия, чем в деревне, и были еще более жалки» [Толстой 1928–1958, т. 32: 234].

В художественном мире романа Толстого атмосфера городского усадебного дома (еще со времен романа-эпопеи «Война и мир») определяется не стенами и дверьми, а населяющими его людьми. И писатель показывает, что последние порою ведут себя не по-хозяйски, а как гости. Линию усадеб городского типа, которые Нехлюдов посещал ранее и вынужденно посещает, ища справедливости по делу Масловой, открывает дом Корчагиных (в черновиках упоминался дом Кармалиных на Покровке). Все в этом доме роскошно, дорого и ненатурально, все потеряло истинно

русский усадебный колорит, начиная от «бесшумно двигавшейся на английских петлях дубовой двери подъезда» [Толстой 1928–1958, т. 32: 89] и заканчивая лежачей хозяйкой. В художественном мире романа очень важно, что Нехлюдов в гостях у знакомых дворян почти каждый раз испытывает двойственное чувство: ему приятно находиться в семейных гнездах, но вслед за этим герой быстро разочаровывается, когда видит, что в стенах одного дома часто живут чужие люди, объединенные лишь формально.

В доме адвоката Масленникова целью хозяйки являются блестящие приемные дни, причем до уровня светской болтовни и зловолгия опускаются все гости, даже «очень важный военный гость» [Толстой 1928–1958, т. 32: 188], которого Нехлюдов встретил в передней Масленникова. Но максимум роскоши городской усадебной жизни Нехлюдов созерцает в Петербурге. Н. Г. Михновец точно подмечает парадокс, относящийся к петербургскому дискурсу в романе «Воскресение»: «Подчеркнутая субъективность и даже тенденциозность автора – есть следствие стремления романиста воссоздать жизнь столицы в ее глубинной сущности: „живая жизнь“, как представляется Толстому, выхолащивается вследствие разрыва с жизнью многомиллионного народа. ...Подчеркнуто субъективное авторское освещение петербургской жизни парадоксальным образом становится залогом изображения объективной картины» [Михновец 2020: 137]. Толстой подробно не останавливается на домах и усадьбах Чарских, Mariette и ее мужа, Вольфа, Топорова, он показывает людей и ощущение многочисленных параллелей и знакомств между ними. Но в отличие от центральной идеи романа, согласно которой важнейшей ценностью является соединенность человека со своим народом, эти светские знакомства обуславливают тонко выстроенную систему поддержки обманного порядка жизни. Толстой описывает впечатление Нехлюдова от города, в котором общая атмосфера ухоженности и внешней чистоты, максимально продуманных формул и взаимовыгодной жизни скрывает не просто пустоту, но подлость его обитателей. Не случайно Mariette живет в доме на канаве, а барон Воробьев – в великолепном казенном доме.

Очень примечательно Толстой описывает переезд Корчагиных из своего подгородного имения к сестре княгини по Нижегородской дороге. Глазами Нехлюдова писатель подробно осматривает целую процессию с участием членов семьи Корчагиных, причем хозяйку несут в кресле, окутанную воздушным покрывалом. Но после пространного описания всех участников процессии автор показывает, намеренно не упоминая членов семьи Корчагиных, что от них ничего фактически не зависит в этом перемещении: «Шествие носильщиков, горничной и доктора проследовало в дамскую комнату...» [Толстой 1928–1958, т. 32: 345].

Заключительные главы являют очередной контраст, которых немало на страницах романа. Из нечеловеческих условий тюрем Нехлюдов попадает в обстановку семейного счастья в доме сибирского генерала. Наблюдая за молодой семьей дочери генерала и вспоминая дно жизни, герой переоценивает для себя понятия «изящного» и «чистого». Для Нехлюдова теперь не представляет ценности изящество высшего света и противоречащая духовному развитию чистота Петербурга, эти понятия связываются для него с обликом семьи: «И ему стало завидно и захотелось себе такого же изящного, чистого, как ему казалось теперь, счастья» [Толстой 1928–1958, т. 32: 430].

По всей видимости, создавая финал романа «Воскресение», Толстой пока не представлял иной формы жизни в имении, нежели та, какую он вел сам в усадьбе Ясная Поляна или в Хамовническом доме в Москве. В городском доме сибирского генерала внешне все очень похоже на дорогой сердцу Нехлюдова (да и самого автора романа) усадебный быт. В далекой Сибири перед нами возникает пример почти московского усадебного дома, и Нехлюдову очень приятны не только красивая обстановка, рояль, учтивость хозяев, но и новое содержание усадебной жизни, связанное с целеустремленностью и хозяйственностью людей, населяющих эту землю.

Не случайно в гостиной сибирского генерала появляется новый герой, соединяющий лучшие качества мужика и дворянина: «Молодой купец-золотопромышленник, сын мужика, в сшитой в Лондоне фракной паре с бри-

льянтовыми запонками, имевший большую библиотеку, жертвовавший много на благотворительность и державшийся европейски-либеральных убеждений, был приятен и интересен Нехлюдову, представляя из себя совершенно новый и хороший тип образованного прививка европейской культуры на здоровом мужицком дичке» [Толстой 1928–1958, т. 32: 427].

Таким образом, можно констатировать, что усадебная тема в романе «Воскресение» становится не просто преходящей, существующей в художественном мире только в силу

принадлежности Нехлюдова к дворянам-помещикам. Для самого Толстого и его героя усадебная тема связана с образами дома, уюта, счастья, любимой женщины. Оставляя своего героя на пороге нового периода, писатель подчеркивал необходимость перемен в общественной жизни. На аристократию, часто не готовую к реальному труду, ложилась задача не просто преодоления огромного разрыва с народом, но и самостоятельного построения своего «чистого и изящного» счастья – не в гостиных и салонах, а где-нибудь в пригороде Кяхты, на русской земле.

Литература

Андреева, В. Г. Образ земли как одна из эпических основ художественных миров романов Л. Н. Толстого / В. Г. Андреева // Два века русской классики. – 2020. – Т. 2, № 2. – С. 192–227. – DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227>.

Берман, Б. И. Сокровенный Толстой: религиозные видения и прозрения художественного творчества Льва Николаевича / Б. И. Берман. – М. : МП Гендальф, 1992. – 205 с.

Гудзий, Н. К. История писания и печатания «Воскресения» / Н. К. Гудзий // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 33. – М. : Худ. лит., 1935. – С. 329–422.

Жданов, В. А. Творческая история романа Л. Н. Толстого «Воскресение» / В. А. Жданов. – М. : Сов. писатель, 1960. – 452 с.

Лебедев, Ю. В. Лев Толстой и «толстовство» / Ю. В. Лебедев // Неутомимые странники : сборник научных статей к 80-летию юбилею докторов филологических наук, профессоров Костромского государственного университета Ю. В. Лебедева и В. В. Тихомирова. – Кострома : КГУ, 2020. – С. 39–50.

Летягин, Л. Н. Судьба усадебного наследия / Л. Н. Летягин // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм / сост., отв. ред. и автор предисл. О. А. Богданова. – М. : ИМЛИ РАН, 2020. – С. 26–41.

Михновец, Н. Г. Роман Л. Н. Толстого как эпический: авторский подход к изображению фактов современности и их оценка / Н. Г. Михновец // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – Т. 26, № 2. – С. 132–138. – DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-2-132-138>.

Нагина, К. А. «Идея сада» в творчестве Л. Толстого: от «Казак» в «Воскресению» / К. А. Нагина // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – № 4. – С. 8–17.

Подарцев, Е. В. Мир русской усадьбы в творчестве Л. Н. Толстого : дис. ... канд. филол. наук / Подарцев Е. В. – М. : МПГУ, 2008. – 171 с.

Подарцев, Е. В. Русская усадьба в произведениях Льва Толстого / Е. В. Подарцев // Литература в школе. – 2010. – № 5. – С. 16–20.

Саркисова, А. Ю. Представления об образцовом помещике в творчестве Дж. Остен и И.С. Тургенева / А. Ю. Саркисова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 3. – С. 133–141. – DOI: [10.17238/issn2227-6564.2017.3.133](https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.3.133)

Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Худ. лит., 1928–1958.

Фролова, Н. В. Своя колея: хозяйственно-экономический мир русской усадьбы в воспоминаниях А. А. Фета / Н. В. Фролова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2017. – № 6. – С. 119–143.

References

Andreeva, V. G. (2020). *Obraz zemli kak odna iz epicheskikh osnov khudozhestvennykh mirov romanov L. N. Tolstogo* [The Image of the Earth as One of the Epic Foundations of the Artistic Worlds of Leo Tolstoy's Novels]. In *Dva veka russkoi klassiki*. Vol. 2. No. 2, pp. 192–227. DOI: <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227>.

Berman, B. I. (1992). *Sokrovennyi Tolstoi: religioznye videniya i prozreniya khudozhestvennogo tvorchestva L'va Nikolaevich* [The Intimate Tolstoy: Religious Visions and Insights of Lev Nikolaevich's Artistic Work]. Moscow, MP Gendalf. 205 p.

Frolova, N. V. (2017). *Svoya koleya: khozyaistvenno-ekonomicheskii mir russkoi usad'by v vospominaniyakh A. A. Feta* [Own Track: the Economic and Economic World of the Russian Estate in the Memoirs of A. A. Fet]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. No. 6, pp. 119–143.

Gudzy, N. K. (1935). *Istoriya pisaniya i pechataniya «Voskreseniya»* [The History of the Writing and Printing of "Resurrection"]. In Tolstoy, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii, in 90 vols*. Vol. 33. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 329–422.

Lebedev, Yu. V. (2020). *Lev Tolstoi i «tolstovstvo»* [Leo Tolstoy and "Tolstoyism"]. In *Neutomimye stranniki: sbornik nauchnykh statei k 80-letnemu yubileyu doktorov filologicheskikh nauk, professorov Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* Iu. V. Lebedeva i V. V. Tikhomirova. Kostroma, KGU, pp. 39–50.

Андреева В. Г. Усадьбы в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле

Letyagin, L. N. (2020). Sud'ba usadebnogo naslediya [The Fate of the Estate Heritage]. In Bogdanova, O. A. (Ed.). *Russkaya usad'ba i Evropa: diakhroniya, nostal'giya, universalizm*. Moscow, IMLI RAN, pp. 26–41.

Mikhnovets, N. G. (2020). Roman L. N. Tolstogo kak epicheskii: avtorskii podkhod k izobrazheniyu faktov sovremenosti i ikh otsenka [The Novel “Resurrection” by Leo Tolstoy as an Epic – the Author’s Approach to the Image of Facts of Contemporaneity and Their Appraisal]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 26. No. 2, pp. 132–138. DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-2-132-138>.

Nagina, K. A. (2011). «Ideya sada» v tvorchestve L. Tolstogo: ot «Kazakov» v «Voskreseniyu» [“The Idea of a Garden” in the Works of L. Tolstoy: from “Cossacks” to “Resurrection”]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. No. 4, pp. 8–17.

Podartsev, E. V. (2010). Russkaya usad'ba v proizvedeniyakh L'va Tolstogo [Russian Estates in the Works of Leo Tolstoy]. In *Literatura v shkole*. No. 5, pp. 16–20.

Podartsev, E. V. (2008). *Mir russkoi usad'by v tvorchestve L. N. Tolstogo* [The World of the Russian Estate in the Works of L. N. Tolstoy]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, MPGU. 171 p.

Sarkisova, A. Yu. (2017). Predstavleniya ob obraztsovom pomeshchike v tvorchestve Dzh. Osten i I. S. Turgeneva [Representations of an Exemplary Landowner in the Works of J. Austen and I. S. Turgenev]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 3, pp. 133–141. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.3.133.

Tolstoy, L. N. (1928–1958). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [Complete Works, in 90 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

Zhdanov, V. A. (1960). *Tvorcheskaya istoriya romana L. N. Tolstogo «Voskresenie»* [The Creative History of Leo Tolstoy’s Novel “Resurrection”]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 452 p.

Данные об авторе

Андреева Валерия Геннадьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия); профессор кафедры Отечественной филологии, Костромской государственной университет (Кострома, Россия).

Адрес: 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25а.

E-mail: lanfra87@mail.ru.

Author's information

Andreeva Valeria Gennad'evna – Doctor of Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Professor of Department of Domestic Philology, Kostroma State University (Kostroma, Russia).